

Для берегов Отчизны дальней

Альбина Акритас
в Российской академии художеств

Альбине Акритас, народному художнику России, не занимать известности. Давно, настойчиво и целеустремленно она переволновывает старые культурные символы во вполне современные произведения искусства, перед которыми невольно останавлишься на бегу в будничной суете, что скрывать, переполненной визуальными впечатлениями. И зайти на персональную выставку Акритас, развернутую ныне в Российской академии художеств, на минуточку никак невозможно – вас затянет стихия живописи, в которую художница превращает все, что ее окружает. “Работаю, как пред скончаньем света...” – пишет она, откровенная в своих стихах: “Ломаю преграды, крушу трафареты! И рвусь в небеса, как плененная птица!”

А.Акритас органично вписана в не

слишком длинный ряд художников, и сегодня не устающих работать с античными и библейскими мотивами. “Античный мир настолько прекрасен – мир сущности человеческой души, которая страдала, и мучилась, и, в конце концов, соединилась с божественной любовью”, – объясняет она свою позицию. Символическим образом устремления в искусстве совпадают у москвички А.Акритас с ее кровной принадлежностью к стране, которая и сама для нас является олицетворением античной культуры. Потому пушкинская строчка, давшая название одной из ее композиций в духе неоклассики, может служить эпиграфом ко всему творчеству художницы. Однажды попав в Грецию, она нашла в ней неисчерпаемый источник вдохновения. Однако ей близки самые разнообразные те-

мы: с одинаковым увлечением она пишет портреты современников и обнаженную натуру, натюрморты и мифологические композиции. С интересом вглядывается в прошлое: перенос сроков выставки позволил автору завершить и показать новую работу – триптих “Жанна д’Арк”, исполненный в технике коллажа. В дело, как и в более ранних композициях “Беседа” и “Пенелопа”, пошли самые что ни на есть бросовые материалы: мешковину, стекло, куски ткани, измятой бумаги, полиэтилена оттеняет горящая золотом фольга, волей автора превращенная в нечто драгоценное и нагруженная многими функциями – от декоративной до смысловой, с темой *vanitas*; ассоциативный ряд – от губительного злата до готического собора, а пространственные цезуры вносят торжественность и некоторую долю театрализации.

Художница соединяет классику с XX веком, изящно обыгрывает традиции, предлагая нам то “Похищение Европы” (не по Серову), то паравеласесовой “Венеры с зеркалом”, то свою версию “Зеленого платья” Моне, а то реминисценции сурового стиля в серии “Сорок первый год”. И жаль, что в залы РХЗ, если верить ее сотрудникам, приходят не более 40 посетителей в день... “Своими” художница делает и персонажей Библии (“Сусанна и старцы”, “Царь Давид” или “Суламиф”), и древнегреческих философов, умеет говорить и серьезно, взволнованно, с ноткой драматизма, и с мягким юмором. Сквозная тема – эмоционально прочитанные пушкинские мотивы: “Вечер” или “Каменный гость” мгновенно отсылают нас опять-таки в разные эпохи.

Дар колориста, безукоризненное умение выстроить композицию, почти скульптурная лепка фигур ощущаются в триптихах, которых у Акритас много: “Богородица с младенцем”, “Ветхозаветный триптих” – в нескольких вариантах. В унисон настроению, звучащему в той или иной работе, – цветовое решение: библейские сюжеты выдержаны в серовато-коричневой, почти монохромной гамме, будто камни в долине Иордана, античные – в теплой, охристой гамме, словно прогретой средиземноморским жаром, либо на контрастных сопоставлениях чистых, ярких

спектральных красок. А живописный цикл “Пиковая дама” – в фиолетовых и голубых оттенках, звучащих драматическим сопрано. Многочисленные букеты, живущие в нарядных натюрмортах, концентрируют в себе все краски, присутствующие в разных предметах композиции (“Осень”, “Розы с красной драпировкой”, “Медь, цветы и ткани”). Светосны портреты, которые Акритас особенно любит писать в интерьере. Свой собственный она создала выплывающим, как видение, из зыбкого марева зеркала, в дымке иной реальности, открывающейся в процессе творчества... И едва ли не самые тонкие работы, хоть они менее других бросаются в глаза, – пейзажи провинции, воспринимаемой мастером как первооснова бытия, будь то российская глубинка или испанская. Маленький этюд “Серый день” светится жемчужно, “Площадь в Ельце” мерцает сквозь патину времени, а рядом вспыхивают под знойным солнцем “Крыши в Дельфах”, тает в сумерках “Английская деревня”, будто отражена в нескольких старинных зеркалах “Улица в Фигерасе” – городе Дали. И вновь перед нами – обманчиво простой мотив, таящий в себе загадку, – а без нее, как известно, искусство не возникает.

Подобно многим талантливым людям, волшебным преображая рутину жизни, Акритас не замыкается в рамках одного вида искусства. С той же энергией и витальной силой, с какой создает картины или коллажи из лама и “сора”, из которого, по утверждению Ахматовой, растут стихи, не ведая стыда, художница пишет и поэтические миниатюры. В них бьется пульс – ритм ее живописи, и в них высказано кредо: “Работа, работа... На улице влажно, / Ваяются осени метаморфозы. / Они мне до фени! В душе моей пенне – / То марши, то рекем, то серенады... / Ни веры не надо, ни пищи не надо, / Плевать мне – я бездарь, иль псих, или гений”... На подобные заявления о действительного члена РХЗ Альбины Георгиевны Акритас есть все основания. Работает она, по отзывам коллег, как одержимая, поэтому выставка – великолепный шанс увидеть множество новых произведений.

Елена ШИРОЯН

А.Акритас. “Танец”. 2003 г.

Кубизм. — 2004. — 18 — 21 нояб. — с. 70